
ИЗ АРХИВА ЛЕВОНА МКРТЧЯНА

«ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕССТРАШНО ГОВОРИЛ-ПИСАЛ ПРАВДУ...»

Заметки о Федоре Абрамове. Переписка.

КАРИНЭ СААКЯНЦ

В дневнике Л.Мкртчяна за 1978 год несколько страниц отведено записям об известном русском советском прозаике Федоре Абрамове. С ним Л.Мкртчян познакомился осенью 1978 года, во время проходивших в Ереване Дней литературы и искусства РСФСР¹ в Армении. Приведя разрозненные записи, Мкртчян пишет: «Чаще всего я знакомился с писателем по его книгам, а уже потом, после книг, если случится, знакомился и с самим писателем. С прозаиком Федором Абрамовым я познакомился, когда еще не была прочитана ни одна книга».

Со знакомства в Ереване зародились дружеские отношения, а после отъезда Абрамова завязалась переписка. В архиве Л.Мкртчяна всего несколько писем писателя и его жены и помощницы, литературоведа Людмилы Владимировны Крутиковой-Абрамовой. Все они собраны в одном конверте, куда, кроме писем, Мкртчян вложил и другие относящиеся к писателю материалы. Здесь же составленный Мкртчяном и написанный от руки список-перечень вложенных в конверт материалов. К работе Мкртчян всегда относился с высочайшей ответственностью, но такая дотошность - зарегистрировать рабочие материалы - даже для него была экстраординарной, что свидетельствует о значении, которое он придавал предмету своей заинтересованности:

«1978 – конец сентября-начало октября. Абрамов в Ереване.

1978 Письмо от Абрамова от 17.X.78 г. «Привет и поклоны удивительной стране Армения и ее людям».

1978 «Деревянные кони» надписаны 21.X.78 г.

1978, 28 ноября ответил Абрамову (получив «Деревянных коней»).

1978, декабрь. Из Софии в Москве 15-19 декабря, 19 вылетел из Москвы, в Москве, в гост. «Москва» встретил Абрамова, возвращался из Белграда.

1979, 16 июля. Пишу Абрамову о его «Доме».

---

¹ Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

28 сентября 1979 г. Абрамов пишет о Сильве Капут. «Коммунист».
27 декабря пишу Абрамову, что получил отдельное издание «Дома».
1981, 13 марта. Письмо от Абрамова.
2 июля 1981 года съезд писат. Речь Абрамова»

В дневнике же, куда был вложен конверт, первая запись датирована 30 сентября 1978 г.:

«Суббота, 30 сентября 1978 г.

В Союзе писателей Армении встреча с русскими писателями, участниками Дней литературы и искусства РСФСР.

Выступали Михаил Алексеев, Вл. Солоухин. Людмила Татьяничева:

*Я не искала другой судьбы,
Другая судьба у других».*

И дальше, через отточия – записи, относящиеся к Федору Абрамову:

* * *

Федор Абрамов:

– К стыду своему, я не знал, что у вас такая архитектура, такие скульпторы... Армянский дух в камне... Я здесь восхищен вашими успехами... Мы во многом отстали от вас.

(И потом на банкете: «Я хочу, чтобы мы любили Россию так, как вы любите Армению. Я мечтаю о фантастичном»).

* * *

6 октября 1978 г. В университете, на русском фил. факультете встреча с Федором Абрамовым. Председательствовал я. Присутствовали студенты 4 курса, преподаватели, а также супруга Ф. Абрамова Людмила Владимировна Крутикова, доцент кафедры русской литературы ЛГУ, Леонид Гурунц.

Федор Абрамов говорил час сам и час отвечал на вопросы. Мы вошли в аудиторию в 10.20, вышли в 12.05 мин.

Говорил о своих впечатлениях от Армении, говорил, что русские теперь осваивают русское нечерноземье, исконно русские земли, откуда пошло русское государство, и что наш армянский опыт, может быть, им поможет.

– Я не тешу себя надеждой, что вы хорошо знаете мое творчество. Я довольно редко выступаю перед русской аудиторией.

* * *

– Я родился в краю таежных ночей. Детство мое прошло с лучиной, кусок хлеба не всегда был. От нашей деревни до города 500 верст. Город я увидел впервые, когда мне исполнилось 18 лет. Воевал, был дважды тяжело ранен. Были отдельные сачкари, которые предпочитали держать оборону под Ташкентом.

Ругал поток серого литературоведения. Сам был литератором. Заведовал кафедрой советской литературы («Когда я защитил кандидатскую диссертацию, мне подарили ботинки, потому что я пришел на защиту в дырявых парусиновых туфлях. Я ведь часть стипендии посылал в деревню брату, чтобы он мог платить налоги»). Из всего, что сделал как литературовед, может быть, достойна внимания книга «Семинарий о Шолохове» (написана в соавторстве). Сам бы он выделил одну лишь статью «Люди в колхозной деревне и в литературе», опубликованную в «Новом мире» Твардовского (1954):

– В этой статье я сказал о том, как на самом деле люди живут в деревне и как о них пишут. Люди умирали от голода (причем, были люди, которые брали Берлин, а теперь вот, вернувшись в родное село, умирали от голода). А наш сельскохозяйственный эпос воспевал изобилие (С.Бабаевский, Е.Мальцев, Г.Николаева «Жатва»).

Ф.Абрамов как автор этой статьи попал в группу критиков-антипатриотов «Нового мира». Сейчас эту статью хвалят, а тогда очень ругали.

– Мой первый роман был ласково встречен в 1958 году и критикой, и читателями.

Первый роман Абрамова по существу продолжал полемику, начатую им в статье. Он сказал (в статье), что о людях деревни пишут сладкую ложь. Теперь он задался целью сам написать о них и написать правду.

– Второй фронт открыли не американцы, а русские бабы, которые мужественно переносили великие тяготы войны. Надо было написать о страдальческом подвиге русской бабы, она работала за мужиков, она голодала, растила детишек, у которых война отняла детство.

***

Деревня является нашей (и для вас, армян) общей матерью.

***

Перефразируя слова Достоевского о «Шинели» Гоголя, мы можем сказать: Все мы вышли из деревни. Деревня – наш язык, наша философия, наша нравственность.

***

Сейчас в нечерноземье сносятся деревни, строятся крупные поселки, чтобы жителям сельщины дать благо цивилизации. Это процесс трагический, но необходимый.

– Книги о деревне, о России во многом определяют лицо российской словесности.

***

– У нас пишутся книги о войне без мира (я не обыгрываю слова Толстого). Чтобы понять войну, надо понять мирные годы, корни всего там, в довоенных годах.

Прочитывая эти фрагменты выступления Абрамова, Мкртчян приводит вопросы студентов и ответы писателя на них.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

– Как вы относитесь к творчеству Ч.Айтматова?

– Я знаю не все вещи Айтматова, но считаю, что это талантливый писатель. Его «Прощай, Гульсары», «Белый пароход» – это очень серьезные вещи. Об Айтматове говорит без восторга.

***

Литератор должен честно говорить правду не только tête à tête с одним человеком, но читателю он должен говорить правду, он должен говорить правду всем.

***

Прототипы, они были и не были, потому что это обобщенные образы.

***

Вопрос отношений писателя с земляками – сложный, иногда болезненный вопрос... Но у меня отношения хорошие, любят меня, у меня домишко хуже всех, две комнатки.

***

– Были ли вы знакомы с Анной Ахматовой?

– Я личного знакомства с Анной Ахматовой не имел, хотя жил в одно время в писательском доме на одной площадке с Анной Ахматовой. Анна Ахматова – безусловно талантливый человек, талантливая поэтесса, но меня лично она мало трогает, мало греет, она холодна. Мне ее стихотворения часто представляются белыми мраморными колоннами в нашей литературе. Колонны хороши, они прекрасны, но им не хватает сердца.

***

Приблизительность и примерность – самый злейший враг литературы.

***

Лучшая моя вещь – роман «Дом», печатание романа сейчас задерживается.

***

Распутин – это очень талантливый писатель. Он сегодня воссиял на нашем небосклоне как звезда первой величины. Есть у него и слабости. Я иногда нахожу слабости (для вас это звучит дико) у Толстого.

***

Говорит, что кинематографу не достаёт сейчас масштабности. Хвалил грузинские фильмы... Восторгался экранизацией Чапаева («Экранизация превосходит даже само произведение»).

– Ваше мнение о Катаеве, о его новом произведении «Алмазный мой венец».

– Я прочитал эту вещь, я вообще не понимаю Катаева, чего он хочет, зачем он пишет. Он, конечно, превосходный мовист, у него хороший глаз, есть своя интонация, но мне кажется, что для него экспериментаторство выше социальных и общественных задач, без которых нет литературы.

***

Мы с Шукшиным договорились встретиться, поговорить, выяснить, во что мы веруем, а это – главный вопрос, который должен занимать человека.

***

– Ваше отношение к классике.

– Об этом надо говорить целый день. Среди всех известных мне классических литератур мира я больше всего ценю русскую классику, она проповедует идеи братства. Русскому человеку мало устроить свою жизнь (да он это и не умеет), главное для него – забота о братстве людей, забота о мире. Сострадание к ближнему, защита ребенка, горный свет.

(Ответ Абрамова на вопрос о его отношении к классике вызывает ассоциации с оценкой русской литературы Леоном Мкртчяном. В статье о русском языке «Русский как национальная необходимость» Мкртчян пишет: «Трудно сказать, была ли когда-нибудь Россия страной демократической. Но со времен Пушкина, Достоевского и Толстого по демократизму, по высокой совестливости ее литературы она была и остается первой в мире. Русская литература, русский язык – страна величайшей демократии. Нет в мире другой такой страны. И о правах человека заявлено здесь громко, как нигде в мире, и с величайшим состраданием к человеку»²).

***

Бог мой – Пушкин, это литературный бог всех русских. Но без Гоголя мне никуда...

***

«Тихий Дон», может быть, самая великая книга, созданная в самом XX веке.

***

Среди литератур XX века советская литература занимает очень видное место (это на вопрос, почему советская русская литература отстает от русской классики).

---

² В кн.: Л.Мкртчян. Слепой, но не настолько, Ер., 1998, с. 188.

***

– Чехов – великий классик русской литературы. Но я очень спокойно отношусь к его драматургии.

***

– Я в литературе прежде всего ценю корневой язык, которым говорит народ. Писатель – это ухо народного языка. К литературным экспериментам я отношусь очень спокойно, мягко говоря.

***

– Я грешу (оговорился) пишу о предмете, который волнует многих людей.

***

– Каждый хороший писатель, он в то же время и новатор. Он верит в веру отцов, но вместе с тем он и еретик. Вообще ересь в литературе – великое дело.

***

В музее Сарьяна Федор Абрамов переписал слова М.Сарьяна у самого входа в музей: «Земля как живая душа...»

Ф.Абрамов восторгался этими словами.

***

Переписал к себе в блокнот слова католикоса «Если вы не будете поклоняться Богу, вы вынуждены будете поклоняться человеку».

Есть в дневниковых записях несколько коротких набросков воспоминаний еще об одной встрече. Она была случайной и состоялась в декабре того же 1978 года в Москве, по возвращении Л.Мкртчяна из командировки в Болгарию: «Встретил Федора Абрамова (в ресторане гостиницы «Москва»), он в 733 номере.

– Финны, им сегодня расскажешь анекдот, они завтра рассмеются. Очень серьезные люди, как и японцы.

Федору Абрамову очень понравилась история о том, как я с японцем заключал договор (он передает привет от меня, а я от него – самой красивой девушке: он – в Японии, в издательстве, я – у себя в СП).

О Горьком. Ругает. Выступил против русской интеллигенции, против русских крестьян (потому что его однажды избili в селе). Служил Сталину.

– Как в Софии живут? Лучше, чем у нас?

Про Армению: «На меня произвели самое сильное впечатление хачкары (это же в течение веков делалось массово). У Католикоса алфавит – это гениально, а вот хачкар из золота – это разврат. Хачкар должен быть в камне. Золотой хачкар ни в какое сравнение не идет с каменным.

– Самое святое дело в жизни – делать добро. Остальное ерунда...»

Вот такие дневниковые записи. Что касается писем, то если их расположить в хронологическом порядке, то переписка начинается письмом Абрамова от 17 октября 1978 года:

«Дорогой Левон!

Получил от Вас книги. Спасибо пребольшое.

Мы тоже – и я, и жена – очень рады знакомству нашему. Будете в Ленинграде – милости <просим> к нашему шалашу (т.213-65-63).

Свою книгу пошлю попозже, она еще не поступила в лавку писателей. А Вашу книгу уже с благодарным сердцем начал читать.

Привет и поклон удивительной стране Армения и ее людям.

Ваш (подпись)

17\X 1978 г.».

Как видно, книга, о которой пишет Абрамов, в лавку писателей поступила буквально через несколько дней после этого письма, потому что на дарственной надписи стоит дата 21 октября 1978 г. И своим письмом от 28 ноября Левон Мкртчян и отвечает на письмо Абрамова, и благодарит за книгу, которую к этому времени он успеваеt прочитать:

«Дорогой Федор Александрович!

Получил Вашу книгу «Деревянные кони»³ и прочел Вашу книгу, а прочитав, понял, что Вы, может быть, действительно ничем не рискуете, посылая своих «...коней» в одной бандероли с избранным Буниным⁴. Есть у Вас это право! Проза у Вас такая мужественная и мягкая, человечная – столько сочувствия к людям, к тому, чем живут люди, что их заботит...

В Мелентьевне узнавал и свою маму и армянских матерей. Помните у Исаакяна молитву матери:

*Пусть прежде всех поможет господь
Всем бедным странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнанник, мой сын...*

Если бы людей ничего не объединяло, их бы объединили боль и страдания. Участливая, добрая у Вас проза. И в словах-фразах-периодах с лувинкой – тоже доброта.

С П А С И Б О!

С П А С И Б О ВЕЛИКОЕ ЛЮДМИЛЕ ВЛАДИМИРОВНЕ. Она проникновенно, тактично написала о Бунине (такт в таком щекотливом деле,

---

³ Федор Абрамов. Деревянные кони. Повести и рассказы. М., 1978. На книге дарственная надпись: «Левону Мкртчяну – прекрасному ученому и писателю и величайшему трепачу всех времен и всех народов. Ф.Абрамов. 21.X.78 г.»

⁴ В бандероль был вложен составленный Л.В.Крутиковой том прозы И.А.Бунина с ее предисловием.

как «разбор» творчества великих – великая вещь).

Рад буду видеть Вас в Ереване, рад буду поговорить с Вами-потрепаться. Все сейчас пекутся о текстах с подтекстом, а подтекст – в трепе.

Приезжайте. Гарантирую Вам с Людмилой Владимировной хороший прием (с трепом), открытое небо, полет Арарата («И Арарат плывет, не уплывающая...») и настоящее высокогорье с прозрачными серебристыми утрами и вечерами, полными звезд... Словом, майский день, именины сердца. Ваш (подпись). 28 ноября 1978 г.».

«Дорогой Левон!

Не знаю, как и благодарить Вас. Во-первых, за карточку – она первая попала на глаза. Хорошая, памятная карточка, так и встала в воображении вся Армения.

А во-вторых, еще большее спасибо за эпистолу. Златоуст, ну, говорун этот Мкртчян! И вот мое предложение: в Питер его, на берега Невы! Пускай-ко здесь попоет соловьем.

Нет, вправду, вправду, дорогой Левон! Приезжайте, мы всегда рады видеть Вас в своем городе и в своем доме.

А «Дом» мой читали? Говорят тут что-нибудь о моей постройке?

Ваш Ф.Абрамов. 5.III-1979 г.».

Роман «Дом» завершал тетралогия Ф.Абрамова «Пряслины»⁵, впервые он был опубликован в журнале «Новый мир» в 1978 году. Прочитав журнальный вариант романа, Мкртчян отвечает на письмо Ф.Абрамова:

«Дорогой Федор Александрович!

Только сейчас прочел Ваш «Дом». Все это время читал другие, нужные для работы книги. Ужасно все-таки, что для филолога чтение – это работа. Ваш «Дом» читал для себя, не для дела – такая благодать! Роман у Вас получился крепкий, по силе и манере письма классический. В «Доме» – все современное русское крестьянство (и не только русское), вся боль земли, все то безумие, в которое мы ввергли людей и землю из самых высоких побуждений. Боль ищет и находит самых лучших. Лиза Пряслина хоть и сестра, но всем она мать. И Михаилу она как мать. Лиза, она главный в «Доме» человек и наиболее замученный человек (как и земля, на которой живет).

Резкость Михаила, его неуживчивость – от сознания того, что так сильно на земле Цыганковы. Эти живут безнаказанно. Старый хороший афоризм «Кто не работает, тот не ест» теперь звучит по-другому: «...тот жрет». И

---

⁵ Над тетралогией «Пряслины» Ф. Абрамов работал больше 20 лет. Первая книга - «Братья и сестры» - не без труда и противодействия цензуры была опубликована в «Новом мире» в 1958 г., через 10 лет, в 1968 году там же увидел свет роман «Две зимы и три лета», в 1973 вышла в свет третья книга «Пути-перепутья», в 1978 году «Новый мир» опубликовал «Дом».

сколько их развелось теперь, не работающих, жрущих, хватающих...

Надо в «Доме» навести порядок. Вы об этом кричите: «Раньше людей работа мучила, а теперь люди работу мучают».

Григорий – немножко князь Мышкин. Не в смысле литературного влияния, нет, а как совесть. Отсюда его болезненность и ранимость, он от ранимости такой болезненный.

Это свойство совести – ранимость.

И еще о классике. Сравните даже не по мысли, по интонации: «Ничего нового для Петра в этих кипениях, пожалуй, не было. Где теперь не говорят об этом! Вся Россия – сплошная политбеседа» («Дом»); «Вся молодая Россия только лишь о вековых вопросах теперь толкует», – говорит Иван («Братья Карамазовы»). Здесь преемственность не литературная, конечно, – такова Россия и таков русский человек. «Что такое человек? Что мы за люди?», – спрашиваете Вы. И, может, действительно мы пойдем, *что мы такое*, и станем лучше.

Поразили меня Калина Иванович и Евдокия-великомученица. И весь этот агиографический стиль письма. Действительно, ведь это подвижники, святой народ, коммунисты. Я, кажется, теперь понял Блока: «Впереди – Иисус Христос». Гений интуитивно постиг то, что сейчас мы начинаем понимать.

Ваших героев я воспринимаю как людей, которых знал. Герои – главные и стоящие поодаль (Федор, Таня и ее московская семья) – написаны крупно и ярко. «Дом» – целая страна. Мне близок учительский тон книги («Мы не судьи тебе, сестра, а братья»). Поздравляю Вас с удачей.

Сердечные приветы Людмиле Владимировне. Я радуюсь Вашим удачам и дорожу дружбой с Вами. Ваш (подпись). Ереван, 16 июля 1979 г.».

В ответ Мкртчян получает сразу два письма: от Абрамова и от Л.В.Крутиковой:

«Дорогой Левон!

Не посетуйте, что отвечаю с запозданием – только что вернулся из летних странствий.

Ездил много. Был в Чехословакии, на Новгородчине, на своем благословенном Севере, на Черном море, в Грузии... Много повидал, много передумал.

А Вы чем вспоминаете минувшее лето?

За добрые и такие умные и сердечные слова о «Доме» спасибо. Но моя постройка далеко не всем пришлась по душе. Ну да ладно – переживем.

Жена моя от души кланяется Вам. В Пицунде мы отдыхали с Сильвой Капутикян и постоянно вспоминали Вас добрым словом. Икалось Вам?

Всего-всего доброго! Ваш Ф.Абрамов. 4 окт. 1979 г. Ленинград».

«Дорогой Левон!

Прочла Ваше письмо только сегодня. Федор без меня читал – я после возвращения домой погрязла в домашних делах.

И сейчас сразу же спросила Федора, что он Вам ответил, какое написал письмо. Он говорит: бегло, кажется, ответил (Федор тоже замотан всей житейской суетой в эту неделю). А Ваше письмо – такое глубокое, такое умное, такое искреннее и мужественное, что мне захотелось сразу Вам об этом сказать.

Я «Дом» тоже очень высоко ценю. Это книга насущно необходимая всем нам. В ней – самые большие, самые главные проблемы времени и она зовет всех нас смелее думать и искать путей не просто обновления и оздоровления, а, я бы сказала, спасения и земли, и домов и душ человеческих.

И Вы это очень глубоко почувствовали и метко, кратко, образно сформулировали.

Как радостно, что есть такие люди, как Вы.

Может быть, общими усилиями мы и начнем наводить порядок в нашем большом и малом доме.

Спасибо Вам сердечное.

Будете в Ленинграде – не забудьте нас.

Мы очень рады, что познакомились-подружились с Вами. Легче жить, когда знаешь, что есть люди, которые думают и чувствуют на той же духовной волне.

Всего Вам доброго! Ваша Людмила. 5.X.79».

Здесь я позволю себе немного отвлечься, с тем чтобы в нескольких выдержках представить впечатления Сильвы Капутикян о Федоре Абрамове, с которым она познакомилась, в те же дни русской литературы и культуры в Армении, когда с Абрамовым познакомился и Левон Мкртчян: «...Сейчас не могу припомнить, где именно и при каких обстоятельствах состоялось наше знакомство, – пишет Сильва Капутикян, – но могу сказать, что это была «любовь с первого взгляда» и только между тремя людьми: Федором Александровичем, его женой Людмилой Владимировной и мною. Мы всюду ездили втроем, и я, как хозяйка, старалась, кроме общеизвестных достопримечательностей Армении – Матенадаран, Гарни-Гегард, Севан, Памятник жертвам геноцида, Эчмиадзин, Сардарapat – показать моим гостям Армению как-то многообразнее, глубже. Но показать – это сравнительно легкая сторона дела. Надо, чтобы тот, кому показываешь, сумел воспринять все это, продолжал в своей душе «труд восприятия», дополнил его собою. Именно таким «воспринимателем» был Федор Абрамов, иногда по-детски непосредственным, неожиданно восторженным. <...>

- Просто здорово, замечательно! – то и дело повторял писатель. – И как все это вы умело совмещаете, черт вас побери, древнее с современ-

ным, духовность с жизнелюбием. Какие у вас многолюдные деревни. А у нас в Пинеге, одни старики да старушки, а дома – бревенчатые мавзолеи с железным замком на дверях...

Писатель так восторгался всем увиденным в Армении, что не хотелось омрачать это ликование<...>. По всему было видно, что Абрамов на каждом шагу при встрече с тем или другим явлением, людьми, отношением их к родной земле, истории, памятникам старины – мысленно сравнивал все это с тем, что есть у него дома. И это говорило о том, что везде и всюду этот дом был в нем и с ним, дом, вобравший в себя и родную Пинегу, и всю необъятную Русь...»

Это выдержки из очерка Сильвы Капутикян «Слово о Федоре Абрамове»⁶, в котором она вспоминает и их встречу в Пицунде: «...Почти месяц мы сидели за одним столом в столовой, загорали на берегу моря, ходили по окрестностям, гостили в армянских селах близ Пицунды.

<...> Вся спина у Абрамова была в шрамах от войны, и я, глядя на него, все больше и больше проникалась уважением к этому, внешне не примечательному, низкорослому человеку, который носит в себе богатырскую силу и отводит от себя не только тяжелые волны бушующего моря, но и противостояния отстающего от него времени, трясину бюрократизма, равнодушие псевдоревнителей за народ, за родину, этим же равнодушием губящих и народ, и родину... ».

Но вернемся к переписке Мкртчяна с Абрамовым.

Вместе с двумя письмами Ф. Абрамова и Л. Крутиковой Левон Мкртчян получил из Ленинграда и выпущенную отдельным изданием книгу «Дом»⁷ с дарственной надписью: «Дорогому Левону Мкртчяну с неизменными дружескими чувствами. Ф.Абрамов, 11\XII\79 г.».

В конце декабря того же года Л.Мкртчян пишет:

«Ереван, 27 декабря 1979 г.

Дорогие Людмила Владимировна и Федор Александрович!

Спасибо за «Дом». (Я очень хотел иметь отдельное издание книги. И теперь она у меня есть).

Достать хорошую книгу сейчас, как Вы знаете, совершенно невозможно. Недавно встретил в Москве финскую переводчику Вашего «Дома» Уллу-Лииса Хейно. Она сказала, что на финском книга уже вышла, говорила, что Вы ей очень помогли (в работе над переводом). Финские издатели оперативны и умны. Знают, что переводить. Когда выйдет «Дом» на армянском? Этот вопрос я задаю себе и своим соотечественникам. Ваш «Дом» – это и наш «Дом». Армянский читатель мог бы подумать и о своем

⁶ В кн.: Сильва Капутикян. Встречи без расставаний. Ер.: Советакан грох, 1987, с.348-349, 352.

⁷ Федор Абрамов. Дом. Роман. Советский писатель, Ленинград. отд., 1979.

«Доме». Перевод книги необходим. Это злободневно. Не только передовицы, но и переводы могут быть злободневны⁸.

Я мечтаю написать небольшой сборник статей о русской литературе «-Боль о человеке», хочу, чтобы у меня была книга с таким названием. Некоторые статьи уже написаны. Сейчас написал о «Преступлении и наказании»⁹. А вообще много занимаюсь литературой армянской, средними веками. Надо издать многие средневековые памятники. Они современны. Времена синхронны (не целиком, конечно, но целый ряд аспектов, очень важных).

Был в Минске. Здесь меня поразил в музее Отечественной войны снимок, сделанный 2.10.41 года. Группа фашистов позирует перед фотоаппаратом, позирует, выставив вперед плакат: «Русский должен умереть, чтобы мы жили»...

Год 79 был для меня насыщенным, даже поворотным – я теперь не совместительствую в Союзе писателей, дал одному хорошему человеку пощечину и ушел в свой университет.

Очень надеюсь на плодотворность Нового года.

Желаю Вам жить в Новом году радостно и крепко. Как всегда. Приезжайте в Ереван».

На новый 1981 год Ф.Абрамов прислал Мкртчяну свою книгу «Бабилей»¹⁰ с дарственной надписью: «Левону Мкртчяну – дружески, от всего сердца и с новым годом. 31 дек.1980 г.», в ответ Мкртчян послал ему свою книгу «Свет есть добро»¹¹, и в марте того же года Абрамов пишет:

«Дорогой Левон!

Давно получил от Вас «Свет» и все тянул с ответом: хотелось прочитать от корки до корки.

Но теперь уже ясно: в ближайшие месяцы не удастся, так как на днях

---

⁸ На армянском языке роман «Дом» («Տնիւր») вышел в свет в 1984 году в издательстве «Советакан грох». Большую заинтересованность в его издании проявила заведовавшая в издательстве отделом переводной литературы Д. Г. Есяян, ею же был выполнен и перевод романа. В процессе работы над данной публикацией я обратилась к дочери переводчицы Рузан Казарян с просьбой поделиться информацией о работе Д. Г. Есяян над переводом. Хотя материалов, непосредственно связанных с переводом романа, у нее не оказалось, тем не менее она любезно предоставила копию письма Абрамова, адресованного переводчице задолго до того, как книга была ею переведена: «Дорогая Дора! Книжки получил. Спасибо. И спасибо сердечное за добрые слова о "Доме". Ну а если еще и напечатаете его, будет совсем хорошо. Людмила Влад[имировна] шлет Вам дружеский привет. У нас, в Питере, весна. Приезжайте в гости. Всего Вам доброго! Ф.Абрамов. 3 апр. 1979». Ранее, в тот же день, что и Л.Мкртчяну, Ф. Абрамовым была послана Д.Есяян книга "Деревянные кони" с надписью «Милой Доре на память о нашей поездке в Эчмиадзин. 21.10. 78. Ленинград».

⁹ Ст. «Преступление и человек» Мкртчян включил в свой сб. статей «Да придут к нам благородные мысли со всех сторон» (М., Сов. пис., 1983). Что касается сб. «Боль о человеке», то он вышел в свет, незадолго до смерти Мкртчяна, на арм. яз. (Յիւլ ւիշրդի հիւշիւր: Այլիւշրդիւնը մու գրիւիւնըյիւնի ւիշիւնըյիւն: ՌՀՀ, 2001 թ.). Кроме статей Мкртчяна, в книгу очерков по истории рус. лит., (сост. Р.Тер-Григорян), вошли ст. и др. авторов. Мкртчян в ней выступает и как редактор.

¹⁰ Федор Абрамов. Бабилей. Л.: Сов. писатель, 1980.

¹¹ Л.Мкртчян. Свет есть добро. // Портреты.Эссе.Путевые заметки. Ер., 1981.

откочевываю на Север, а потом предстоит поездка в Зап.Берлин, а потом – на Украину, а потом – съезд письменников... и т.п. и т.п.

Короче, покамест мне удалось лишь полистать книгу да «зафотографировать» отдельные страницы.

Богатейшая книга! Такая же богатая и многогранная, как сам автор!

Поздравляю и по-хорошему, по-белому завидую.

Жена кланяется и собирается читать своего армянского друга в ближайшие дни. Ваш Ф.Абрамов. 13 марта 1981 г.».

Федора Абрамова не стало в 1983 году. После его смерти Л.В.Крутикова-Абрамова обратилась к Мкртчяну с просьбой написать воспоминания для задуманной ею книги о писателе. И хотя это письмо в архиве не обнаружено, о том, что оно было и что содержало такую просьбу, свидетельствует копия (второй экземпляр машинописного варианта) ответного письма Левона Мкртчяна:

«Ереван, 23 января 1985 г.

Дорогая Людмила Владимировна!

Получил Ваше такое печальное хорошее письмо. Федор Александрович много пережил, испытал, но ему еще и повезло – Вы были рядом с ним. Вы и сейчас с ним и живете для него, его творчества, вечно живого и вечно нужного людям.

Федор Александрович бесстрашно говорил-писал правду. А Правду в наш век большой лжи нести людям труднее, чем в те мифические времена Прометею – огонь...

Я, конечно же, постараюсь о Федоре Александровиче написать, вспомнить. .. Не знаю, смогу ли.

Спасибо Вам за предложение, за дружбу.

Искренне Ваш (подпись)».

Сохранилась в архиве копия и другого письма Мкртчяна:

«Ереван, 15 марта 1985 г.

Дорогая Людмила Владимировна!

Великое Вам спасибо за книгу Федора Александровича «Жарким летом»¹² (А в Ереване холода – страшные, на дворе середина марта, а морозы не отпускают!)

Многое я читал, а многое прочел теперь – книга сильная, она беспощадно сильная, но это беспощадность писательская, добрая, я бы сказал, материнская...

Читаю Ваши публикации.

Читал в «Лит.России» воспоминания о Федоре Александровиче «Нет,

---

¹² **Федор Абрамов.** Жарким летом. Рассказы. Л., 1984. Книга надписана Л.В.Крутиковой: «Дорогому другу Левону Мкртчяну на память о Федоре. Л.Крутикова. 1.П.85 г.».

весь я не умру, душа в заветной лире...». А в данном случае душа Федора Александровича еще и в Вас, в том, что Вы делаете для него, его творческого наследия... «Нет, весь я не умру». Спасибо Вам за Вашу преданность литературе, большой и высокой литературе.

...Мне, может, удастся написать несколько страниц о Федоре Александровиче. Посылаю Вам копию одного письма Федора Александровича¹³. Были еще письма, надо найти. Ваш (подпись)».

В 1986 году Л.В.Крутикова подготовила к печати подборку писем читателей о романе «Дом». Подборка была опубликована в №6 журнала «Литературное обозрение». Публикацию предваряет слово Л.В.Крутиковой: «В архиве Федора Абрамова сохранились сотни тысяч читательских писем. Он их бережно хранил, на многие отвечал, нередко завязывалась переписка с читателем-другом. Не раз в своих выступлениях Абрамов с благодарностью вспоминал читательские отклики. Подводя итоги своей литературной судьбы в дни 60-летнего юбилея, писатель говорил: «...мне повезло! Меня били! Крепко били. Но те произведения, за которые меня били, – проходили годы, проходило время – и их причисляли к положительным явлениям советской литературы.

И тут я не могу не сказать о письмах читателей. Наши журналы, наши газеты не могут похвастаться реальной критикой, той критикой, которая на недостижимые вершины вознесла в свое время «Современник», той критикой, которая литературой объясняет жизнь, а жизнью выверяет литературу.

Но у нас есть реальная критика. Это письма читателей. В самую трудную, в самую сложную минуту наш читатель всех возрастов, разных профессий подавал мне руку помощи».

Разумеется, Федор Александрович не идеализировал своих читателей. Он видел и понимал их разность. «Есть в письмах и наивность, и невежество, и младенческое неведение в вопросах жизни и литературы. Но есть читатель смелый, умный, думающий. Какая гражданская озабоченность судьбами природы, национальной культуры! А сколько истинно патриотической заинтересованности в делах страны, родной земли, сколько неподдельного желания сделать нашу жизнь лучше, краше!.. Письма таких читателей – самая высшая для меня награда».

Словами Федора Абрамова «...Читатель смелый, умный, думающий» Л.В.Крутикова-Абрамова озаглавила подборку, в которую вошли письма как рядовых читателей, так и известных советских писателей и деятелей культуры (Юрия Черниченко, Алеся Адамовича, Василия Белова, Янки Брыля, Дмитрия Максимова, Леонида Зорина, Ивана Меркулова...) Сюда же Л.В.Крутикова-Абрамова включила и письмо Левона Мкртчяна от 16

---

¹³ Речь о приведенном в настоящей публикации письме Ф.Абрамова от 5 марта 1979 г.

июля 1979 г.

В том же 1986 году в ленинградском отделении издательства «Советский писатель» увидела свет составленная Л.В.Крутиковой-Абрамовой книга Ф.Абрамова «Чем живем – кормимся. Очерки. Статьи. Воспоминания. Заметки. Размышления. Беседы. Интервью. Выступления». В книгу вошла рецензия Абрамова «В армянском мире», написанная писателем на книгу Сильвы Капутикян «Меридианы карты и души» (к этой рецензии я еще вернусь). Мкртчян получил эту книгу с дарственной надписью составителя: «Дорогому Левону Мкртчяну на память о Федоре Абрамове, о встречах в Ереване. 17/IV.86. Л.В.Крутикова».

В последнем из приведенных в настоящей подборке писем Л.Мкртчян осторожно пообещал Л.В.Крутиковой написать о Ф.Абрамове («Мне, может, удастся написать несколько страниц о Федоре Александровиче»). Он вообще никогда не разбрасывался обещаниями, но и никогда не оставлял без внимания просьбы тех, кто к нему обращался. И «несколько страниц» об Абрамове он, конечно же, написал. Очерк «Слово рыцаря правды» был опубликован в еженедельнике «Литературная Россия» 1 мая 1987 года. Но до русской публикации этот очерк появился в первом номере за 1987 год армянского журнала «Գարնիկ» («Весна»). Правда, под другим названием: «Գրել ինչ, ինչ պետք է...» («Писать то, что нужно»). Обычно у Мкртчяна бывало наоборот: материалы, связанные с русской литературой, сначала публиковались в русской прессе и только после этого – в армянской. То, чем вызвано нарушение многолетней традиции, объясняет письмо, вложенное Мкртчяном в «абрамовский» конверт. Это письмо от члена редколлегии журнала «Новый мир» Василия Литвинова:

«Дорогой Левон! Видит Бог, как я хотел завлечь Вас на страницы НМ. И вот когда, наконец, сбылись лучшие мечты, я имею в руках воспоминания о Федоре Абрамове – приходится отсылать рукопись назад. В чем причина такого чудовищного парадокса? Буквально накануне гл.редактор вернул мне воспоминания о Ф.Абрамове одного из московских литераторов, сказав, что к воспоминаниям вообще относится весьма прохладно и предпочитает, чтобы о писателях типа Ф.Абрамова, наших современниках, в НМ появлялись скорее обстоятельные статьи, исследования и все такое. Вот ситуация. Предлагать еще воспоминания о Ф.Абрамове – дело бесперспективное. Да я и попытался было это сделать, сказав, что Л.Мкртчян прислал и т.д. О Л.Мкртчяне Сергей Павлович Залыгин выразил самые сердечные чувства, тебя он знает хорошо, но к жанру воспоминаний остался непреклонен.

Я мог бы предложить рукопись кому-либо из московских коллег, в другой журнал, но нет уверенности, как тебе понравится такая самодеятельность, к каким журналам ты благоволишь, к каким – нет.

Вот тебе все как на духу, хотя огорчился я дьявольски. Очень уж бли-

зок был локоть...

Левон! Всех благ тебе, Ереван розовый даже снится иногда, рано или поздно...

Не забывай, не обидься, ради бога, будь здоров.

Твой В.Литвинов. 24.9.86».

Таким образом, очерк, написанный Мкртчяном для «Нового мира», увидел свет в «Литературной России» и через несколько месяцев после армянской публикации. В основу очерка легли уже приведенные здесь дневниковые записи Мкртчяна – в новой композиции и с авторским комментарием¹⁴. Дополним представление об этом очерке, от публикации которого «Литературной России» нас отделяет более трех десятилетий¹⁵, некоторыми фрагментами из него:

«Федор Абрамов был человеком прямым, то есть правдивым, неллицемерно-откровенным и в прямоте своей колочим. И еще он был человеком добрым. Я бы сейчас не стал писать так уверенно о своих впечатлениях, так как наше знакомство было недолгим, но впечатления проверяются еще и книгами Абрамова, его прозой, такой напряженной, острой, в чем-то беспощадной, но и бесконечно доброй к земле и к людям русской земли.

Резкая, не знающая компромиссов прямота Абрамова не отталкивала, а привлекала к нему людей. Должно быть, долго были мы слишком поклядисты, дипломатичны и истосковались по характеру открытому, бесхитростно прямому. Много значит такой характер в литературе. Федор Абрамов-писатель так, собственно, и начинался – с откровенного, принципиального разговора о жизни в послевоенной русской деревне.

<...>

Разговоры и споры о современной русской литературе и русской классике возникали сами собой в среде писателей, по книгам и мировидению очень разных. Один из прозаиков сказал о Федоре Абрамове как о пи-

---

¹⁴ Например, в связи с ответом об Ахматовой: « Необычным был ответ Абрамова и на вопрос студентов об Анне Ахматовой. Уже после встречи я сказал Абрамову, что студенты, молодые люди вообще, любят Ахматову. – Знаю , что любят. Но не мог же я врать, – сказал он».

¹⁵ С конца 1980-х по известным причинам связь между советскими писателями, жившими в разных республиках СССР, постепенно стала ослабевать, а в 90-ые и вовсе прервалась. И потому Левон Мкртчян так и не узнал, что за год до его смерти, в 2000-ом году в Москве в издательстве «Советский писатель» тиражом в 5000 экземпляров увидел свет объемистый (672 стр.) сборник «Воспоминания о Федоре Абрамове» (составители Л. В. Крутикова-Абрамова, А. И. Рубашкин). В аннотации к книге сказано: «Обстоятельство, обусловившее и некоторую неполноту книги, и несомненное ее достоинство, состоит в том, что сборник был подготовлен к печати в 1989 году, но издательство смогло издать его только сейчас, когда о многом» можно было бы сказать полнее, но в то же время перед нами непосредственный отклик на уход большого человека, когда еще память была свежа. В книге представлены воспоминания родных и земляков Ф.Абрамова, одноклассников, институтских учеников, писателей, актеров. Среди авторов (их около семидесяти) – В.Адмони, И.Столярова, Левон Мкртчян, Юрий Оклянский, Игорь Золотусский, Валентин Распутин, Борис Панкин».

сателе мрачном. А ведь Абрамов, если и рассказывал о том, из-за чего делался мрачным, то всегда был к людям добр и участлив, болел, переживал, и трудная жизнь людей освещалась светом его души. «Я вижу, положим, зло, – говорил Толстой, – страдаю от него, переживаю его и вот – создаю вещь, где указываю на зло, которого большинство, кроме меня, не видит. Вот это и есть то, что нужно».

Можно сказать, что Федор Абрамов, следуя завету Толстого, писал именно «то, что нужно».

<...>

Летом 1981 года мы встретились на VII съезде писателей СССР в Большом Кремлевском дворце... Много было на съезде интересного, такого, что стоило запомнить. Но больше всего взволновали делегатов съезда выступления Чингиза Айтматова и Федора Абрамова.

<...>

Выступление Абрамова на съезде было полностью опубликовано. Но многие делегаты хотели иметь сразу же текст его речи – в день, когда она была произнесена. Абрамов подарил мне машинописный экземпляр выступления, озаглавленного от руки «Слово в ядерный век». Так Абрамов обозначил тему. Он верил в силу слова и призывал в наше ответственное, ядерное время относиться к сказанному серьезно.

– Слово всегда было путеводной звездой человечества. В слове сокрыта самая великая энергия, известная на Земле, – энергия человеческого духа, – говорил Абрамов.

Моя встреча с ним на писательском съезде была последней. Сейчас я думаю о том, что в этом человеке – и в живом, до боли правдивом его слове – всегда была заключена великая энергия человеческого духа.

Для писателя – это главное».

Естественно, Мкртчян сохранил подаренный Абрамовым машинописный экземпляр его речи вместе с остальными, относящимися к писателю материалами. Сохранил и опубликованную в ереванской газете «Коммунист» 28 сентября 1979 г. рецензию Абрамова на книгу Сильвы Капутикян «Меридианы карты и души». Как и все написанное Абрамовым, рецензия на книгу армянского поэта и писательницы, честна и правдива. Это не дань вежливости, а искреннее, прочувствованное слово. В котором есть и восхищение чужой страной, и глубокие размышления по важнейшим проблемам человечества, и объективная оценка современной ему (и автору рецензируемой книги) действительности. Приведу несколько цитат, из числа тех, что Левон Мкртчян в вырезке из газеты¹⁶ выделил, очертив их красным карандашом:

«За последние годы мне довелось немало поколесить по белу свету, и,

---

¹⁶ В газетном варианте рецензия называется «Слитное дыхание».

как говорится, удивить меня нелегко. Но Армения меня удивила. И удивила прежде всего силой своего национального духа, деятельной любовью к земле, к истории.

<...>

И вот я вновь в армянском мире, на этот раз благодаря Сильве Капутикян, ее прекрасной книге «Меридианы карты и души»¹⁷

<...>

Книга С.Капутикян адресована в первую очередь, естественно, братьям-армянам. Но у нее будут миллионы и других читателей. Ибо важные, сложные, нерешенные вопросы возникают в книге, – вопросы, по которым сегодня неустанно идут споры, разгораются битвы во всем мире: национальное и общечеловеческое, национальная самобытность культуры и национальная ограниченность, вечно живые народные традиции и современность машинно-космического века, унифицирующая города, дома и даже деревни. Потребительство, «вещизм», индивидуализм, одиночество... и гуманизм, демократизм, мечта о единстве людей во всем мире. Трудные, очень трудные это вопросы.

<...>

«Много восторженных страниц уделено в книге людям «с напряженной духовностью, с постоянной тревогой за судьбу народа», тем труженикам, которые превращают «землю, камень, дерево в хлеб, дома, машины», и тем избранникам, которые «создают рельеф и контуры, характер земли и которые видны издалека». Народ – именно они, утверждает С.Капутикян. А «дельцы и деляги, лихорадочно выхватывающие у жизни все, что только удастся ухватить... – они преходящи, временны и не оставят никакого следа ни в характере, ни в исторической поступи народа».

«Хотелось бы, – продолжает Ф.Абрамов после цитаты из книги Сильвы Капутикян, – очень хотелось бы разделить уверенность автора. Но история многих народов свидетельствует о том, как пошедшие в рост сорняки на долгие годы, иногда на десятилетия, заглушают развитие народной души, калечат народный характер, а порой и заражают тлетворными бактериями, приводя нацию к застою и вырождению. И потому сегодня, когда так обострились в мире национальные проблемы, необходимо поглубже взглянуть на народ, всерьез разобраться в том, что же такое народ и национальный характер. Только ли великое и доброе заключено в нем?»

<...>И не единственно ли правильное отношение к своему народу – ради его же блага, ради его духовного здоровья – видеть в нем наряду с истинно великим и его слабости, его недостатки?

Сказанное – не упрек С.Капутикян. Ее песня, ее вдохновенный гимн, пропетый своему народу, одержавшему такие победы на пути своего возрождения, оправдан внутренним заданием книги. Однако более обстоя-

---

¹⁷ Капутикян С. Меридианы карты и души. М., 1978.

тельная и более конкретная картина жизни современной Армении во всей красочности, сложности и противоречивости ее сегодняшнего бытия не помешала бы, а, напротив, сделала бы страну армян еще более притягательной для соплеменников, проживающих за рубежом».

Так Федор Абрамов писал об Армении в 1980 году, и это «слово рыцаря правды» остается в силе спустя около четырех десятков лет, в свете «сегодняшнего бытия» Армении.

Ключ. слова: *литературные связи, архив, Ф. Абрамов, Л. Мкртчян, С. Капутикян, контакты, записи, переписка*

ԿԱՐԻՆԵ ՍԱՀԱԿՅԱՆՑ – Լևոն Մկրտչյանի արխիվից («Ֆյոդոր Ալեքսանդրովիչը համարձակորեն ասում-գրում էր ճշմարտությունը...» գրառումներ Ֆյոդոր Աբրամովի մասին. նամակագրություն) – Սույն հոդվածը «Լևոն Մկրտչյանի արխիվից» (ԲԵՀ, 2015, № 1-3, 2018, № 1) ընդհանուր խորագրով հրատարակումների շարքի շարունակությունն է: Հեղինակը ներկայացնում է նյութեր, որոնցում արտացոլված են հետպատերազմական տասնամյակների ռուս արձակի լավագույն ներկայացուցիչներից մեկի՝ Ֆյոդոր Աբրամովի (1920-1983)՝ հայերի հետ ունեցած կապերն ու նրանցից ստացած տպավորությունները: Հրատարակվում է Ֆ. Աբրամովի և Լևոն Մկրտչյանի նամակահանի, վերջինիս օրագրային գրառումները, որ արել էր գրողի հետ Երևանի պետական համալսարանում կազմակերպված հանդիպման ընթացքում: Լուսաբանվում են Ֆ. Աբրամովի և Ս. Կապուտիկյանի բարեկամական ու ստեղծագործական շփումները:

Բանալի բառեր – *գրական կապեր, արխիվ, Ֆ. Աբրամով, Լ. Մկրտչյան, Ս. Կապուտիկյան, շփումներ, գրառումներ, նամակագրություն*

KARINE SAAKYANC – From the Archives of Levon Mkrtchyan (“Fedor Aleksandrowich has spoke-wrote truthfully...” / Notes on Fedor Abramov). – The paper follows a number of other papers, earlier published in this magazine under the single title “From the Archives of Levon Mkrtchyan” (2015 №№ 1-3; 2018, № 1). The author presents materials, in which Armenian connections and impressions of Fedor Abramov (1920-1983) – one of the best Russian prose-writers in decades 1950-1970 – are reflected. Diary notes of L.Mkrtchyan, made on the public meeting with the writer in the Yerevan State University, their correspondence, other documents are published. Special attention is attached to friendly and creative contacts of F.Abramov and S.Kaputikyan.

Key Words: *literary connections, archives, F. Abramov, L. Mkrtchyan, S. Kaputikyan, contacts, notes, correspondence*